гарантий со стороны ядерных государств, угроза применения военной силы против нарушителей режима, высокая стоимость ядерных проектов. Но, как оказывается, все они не в состоянии в полной мере объяснить изначальные расхождения в наблюдениях, поэтому автор предлагает использовать новый подход.

На микроуровне Жак Химанс предлагает рассматривать эффективность деятельности научных работников и инженеров, которая в первую очередь зависит от степени автономности работников. Микроуровень напрямую зависит от степени развития государственных институтов управления. Государства с развитыми институтами благоприятствуют развитию высоких профессиональных качеств работников за счет того, что используют модель «сверху вниз», обращаются к их внутренним мотивам (творческое развитие, любовь к отечеству). Государства, в которых такие институты либо слабы, либо вообще отсутствуют, оказываются неспособны создать эффективную систему управления крупными технологическими проектами. В зависимости от эффективности управленческой системы будет определяться степень полезности транснационального взаимодействия. Государство будет выигрывать от международного сотрудничества в случае наличия такой системы, в случае отсутствия — либо ничего не выиграет, либо будет нести издержки. В таких условиях ключевой задачей авторитарных режимов будет мобилизация научных и технологических сотрудников для реализации ядерного проекта, чему могут способствовать активные меры (чаще всего военные) по противодействию развития ядерной программы.

Значительное место в книге занимает рассмотрение конкретных исторических примеров, на которых автор апробирует свою теорию. На примере Ирака и Китая автор рассматривает, как институциональное развитие государства связано с используемыми типами мотивации сотрудников. Оба государства находились под угрозой срыва ядерной программы, но в случае с Китаем ситуация была смягчена наличием развитых институтов коммунистической партии. Югославия при Брозе Тито и Аргентина времен пребывания у власти Хуана Перона выступили примером того, как при широких международных связях и отсутствии отлаженных механизмов управления государства оказались не способны разработать и осуществить ядерный проект самостоятельно. Впоследствии автор переносит свою теорию на *горячую* четверку — Ливию, Пакистан, КНДР и Иран, на примере развития которых она также находит свое подтверждение.

Подход Жака Химанса позволяет более взвешенно взглянуть на перспективы появления новых ядерных государств. Одного желания получить ядерную бомбу и даже возрастающего технологического и человеческого обмена на международном уровне недостаточно. Необходима эффективная система управления крупными технологическими проектами. А возможности ее создания в авторитарных странах, по мнению автора, весьма ограничены.

Максим Симоненко

Alfred Stepan, Juan J. Linz, and Yogendra Yadav. Crafting State-Nations: India and other multinational democracies. John Hopkins University Press, 2011. 308 p.

Книга американских политологов Альфреда Степана, Хуана Линца в соавторстве с индийским коллегой Йогендрой Ядавом развивает идею Альфреда Степана о конструкции государства-нации. Необходимость во введении этой модели в политическую грамматику, по мнению авторов, появляется из несоответствия между политическими реалиями мира, в котором мы живем, и массивом знаний, который мы унаследовали. Поэтому значительную порцию своих размышлений они посвящают выяснению, почему понятие государства-нации нам необходимо так же, как и уже укоренившееся в теории и практике понятие нации-государства.

Необходимо, в частности с утилитарной целью, рассмотреть механизмы, которые помогают уравновешивать социальное разнообразие и смягчать потенциальные межнациональные и межкультурные конфликты.

Понятие государства-нации относится к политико-институциональному подходу, который оберегает множественные, сложные социокультурные идентичности. Политика государства-нации подразумевает создание чувства принадлежности (we-feeling) к некой широкой политической общности при одновременном создании институциональных предохранителей социокультурного разнообразия. Такие институциональные рамки, таким образом, включают прочное этнофедеральное измерение и механизмы, обеспечивающие унификацию с общими символами и институтами.

Для авторов процессы нациестроительства интересны в значительной степени их взаимовлиянием с демократическими преобразованиями. Разграничивая понятия нации-государства и государства-нации, они считают, что если на момент введения конкурентных выборов в неких данных границах существует одна относительно гомогенная группа, которая рассматривает себя как нацию и разделяет чувство общей истории, языка и религии, тогда процессы строительства нации-государства и демократии будут взаимно усиливать друг друга. Но если же общество будет резко мультинациональным, что сказывается и на различном отношении к политическим традициям, то эти процессы будут иметь конфликтующую логику, а группы, обделенные политическими привилегиями, будут, скорее всего, маргинализоваться.

Создание национальной идентичности по французской модели, как например, во Франции с конца XIX в., отождествлялось с демократизацией, и было возможно только в консолидированных государствах. В XX в. примеров такой консолидации было уже немного. Так, авторы заявляют, что если государство располагает заметным культурным или языковым разнообразием, его политическим лидерам стоит задуматься о создании политической общности с характеристиками государства-нации. В связи с чем и приводят основные, по их мнению, верифицируемые признаки государства-нации:

- позитивная идентификация (positive identity) — гордость быть гражданином данного государства;
- множественные, но взаимодополняющие друг друга политические идентичности (multiple, but complementary political identities);
- институциональное доверие (institutional trust) — доверие к наиболее важным конституционным, правовым, административным компонентам государства;
- позитивная поддержка демократии (positive support for democracy) на уровне всей страны.

Сторонники модели нации-государства предполагают, что только такая конструкция может производить высокую степень идентичности и гордости за принадлежность к государству, что, в свою очередь, лучше сказывается на демократии. Однако Степан, Линц и Ядав, проанализировав данные *World Value Survey*, заметили, что страны, наиболее близкие к модели государств-наций (Индия, Швейцария, Канада, Бельгия), демонстрируют даже более высокий уровень такой гордости и институционального доверия, нежели национальные государства (Бразилия, Австрия, Германия).

Во главу примерного ряда ученые поставили Индию с ее успешной институциональной

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» Интернет-представительства ПИР-Центра по адресу http://pircenter.org/library

политикой построения государства-нации. Как богатую красочную мозаику, они собрали политическую картинку Индии, которая, по их мнению, стала демократическим государством-нацией к 1950–1960-м гг. Однако авторы оговариваются: Индия — это не уникальный кейс, представляющий описание спонтанно сложившейся модели, а пример создания государства-нации в результате последовательной политики.

Индия интересна и своей, как ни странно, бедностью, которая опровергает гипотезу о том, что демократия четко коррелирует с уровнем социоэкономического развития. Для сравнения, среднедушевой доход на душу населения в Индии по ППС на 2008 г. составлял 2960 долл. (36 220 долл. в Канаде и 34 760 долл. в Бельгии) при населении в 1,1 млрд человек.

Пример Индии привлек внимание авторов еще и следующим. В то время как многие исследователи и политические активисты обеспокоены *конфликтом цивилизаций*, и некоторые считают, что мусульманское общество пребывает в глубоком конфликте с демократией, они находят крайне любопытным проанализировать одну из наиболее многочисленных по количеству мусульманского населения стран (третью после Индонезии и Пакистана) с широким демократическим опытом в мультикультурной, мультинациональной среде с федеративным устройством.

Из-за беспрецедентного культурного разнообразия реализовать какой-либо проект по созданию национального государства (например, чисто индуистского) в Индии невозможно. Так, стране удалось создать демократическое государство-нацию, по мнению авторов, поддерживаемое всеми социоэкономическими группами и религиозными сообществами.

Ранее Индия отвергалась в качестве типового кейса для проведения последующих обобщений, поскольку часто предпринимались попытки рассматривать ее через призму США, что делало ее чересчур *непохожей*. У Индии и элит, претендующих в ней на власть, не было политического шанса зеркально воспринять модель метрополии. Уже Махатма Ганди понимал национализм в смысле стремления к общим символам, единым для представителей всех культур и конфессий внутри Индии и осознавал, что попытка построить национальное, прежде всего индуистское, государство, была бы убийственна. Очевидно, для Индии религиозный или, тем более, языковой базисы унификации были неприменимы. Здесь же авторы рассказывают о наиболее конструктивной конфигурации партийной системы в условиях, когда в партийной жизни участвуют представители множества различных лингвистических групп.

Конфликт в Кашмире выбивается из в целом успешного индийского опыта решения некоторых проблем с помощью асимметричной федерации. Однако здесь авторы аргументируют это влиянием фактора структуры международной системы, так как конфликт в Кашмире, по сути, приобрел международное значение.

Вслед за Индией вводится контрастный пример Шри-Ланки, которая, в отличие от Индии, избрала тот самый *убийственный* путь нации-государства и смогла ввергнуть страну в кровавую бойню, несмотря на меньшую национально-культурную пестроту. В момент обретения независимости цейлонское общество не имело столь мультинационального измерения, как в Индии, да и никаких ярых движений за национальное самоопределение тоже не было (при 70% сингальцев, большинство из которых буддисты, и 23% тамилов, из которых большинство индуистов, и около 6% мусульман). То, что пришедшее к власти сингальское правительство сделало с группами как исконно проживающих в Шри-Ланке, так и приезжих из Индии тамилов, авторы называют походом по *скользкой дорожке* и подробно разбирают этапы этого пути. В частности, курс на маргинализацию тамилов, проводимый правительством Соломона Бандаранаике, а впоследствии и его жены Сиримаво, которые также относились к сингальцам — *большинству с комплексом меньшинства*, как их называют авторы, приводя тому занимательное историческое объяснение.

Так, лишение шриланкийских тамилов равенства с сингальцами-буддистами в правах и всяческое их притеснение во имя построения гомогенного национального государства привело к маргинализации тамилов и в конечном счете к пробуждению их национального самосознания. На определенном отрезке этого пути была предпринята попытка превратить резко аполитичный буддизм в политическую силу и инструмент трансформации Цейлона в нацию-государство. Так что даже о *буддистском возрождении* на Цейлоне было написано множество научных работ.

Таким образом, несмотря на изначально более благоприятные условия для гармонизации взаимоотношений внутри своих политических границ, лидеры Шри-Ланки получили совершенно противоположные Индии результаты из-за использования иной *политической грамматики*.

Далее на примере Украины авторы предполагают, как можно на фоне политики национального государства укрепить идентичность государства-нации (при наличии значительного русскоязычного меньшинства) без трансформации из унитарного территориального устройства в федерацию, так как асимметричная федерация в начале книги заявлена наиболее комфортной формой территориального устройства для мультинациональных государств на пути к государству-нации. Также приводятся примеры решения национальных проблем в унитарных государствах — во Франции, Индонезии, Португалии, Дании, а напоследок — пример США и возможность применения их опыта в пестрых мультинациональных сообществах.

В целом книга хороша сочетанием теоретизированного понятия государства-нации, его предпосылок и элементов, целесообразности построения такой конструкции и несколькими яркими практическими сравнениями, причем наиболее яркими являются полярные по успешности примеры Индии и Шри-Ланки. В процессе описания гармонично вводятся статистические данные и множество сопоставительных таблиц, существенно облегчающих структуризацию подаваемого материала для читателя.

В настоящее время перевод книги на русский язык готовится Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики. Но стоит ли откладывать чтение, когда есть столь сочный и понятный оригинал?

Юлия Свешникова